

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге // Государственный пушкинский театральный центр, СПб.: 1996

FB2: Miledi, 2011-09-26, version 1.0

UUID: 93a6b342-e768-11e0-9959-47117d41cf4b

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Алексеевич Полевой

Толки о «Евгении Онегине», соч. А. С. Пушкина

«Прелесть нового творения Пушкина, несправедливость наших журналистов, которые, воздавая неумеренные похвалы своим содрузгам, с холодностью, мимоходом упомянули об издании «Онегина»; желание показать читателям, какими причинами можно оправдать издание одной песни «Онегина» и отвратить обвинения в подражании, чем укоряют *некоторые* критики, и словесно и печатно, нашего поэта, – вот что руководствовало мною, когда я писал небольшие, больше библиографические, нежели критические, замечания на «Онегина»! ...»

**Николай Алексеевич
Полевой
Толки о "Евгении Онегине",
соч. А. С. Пушкина[1]**

Прелесть нового творения Пушкина, несправедливость наших журналистов, которые, воздавая неумеренные похвалы своим содрузам, с холодностью, мимоходом упомянули об издании «Онегина»[2]; желание показать читателям, какими причинами можно оправдать издание одной песни «Онегина» и отвратить обвинения в подражании, чем укоряют *некоторые* критики, и словесно и печатно, нашего поэта[3], – вот что руководствовало мною, когда я писал небольшие, больше библиографические, нежели критические, замечания на «Онегина»! Расположение и слог моих замечаний доказывают, что я не сочинял полного и подробного разбора. Дозволив себе шутки насчет уклончивых критиков, я слегка упомянул о так называемой многими *романтической поэзии*, определил сочинение Пушкина, представляя в пример очерк живописца и особенный род музыкальных произведений, называемый *саргіссіо*; наконец, говорил о содержании и красотах поэмы.

На мои замечания отвечал г. – въ строгими суждениями, в N 8 «Сына отечества», призывая на помощь математику и что-то доказывая, – *что-то*, повторяю: прочитав несколько раз статью г. – ва, я не мог добиться, чего он точно хочет.

Я благодарил бы его за некоторый род одобрения «Телеграфу», ибо другие журнальные критики без пощады бранят меня, и, читая их рецензии, право, можно подумать, что «Телеграф» хуже покойного «Журнала для милых»[4]. Г. – въ отдает «Телеграфу» справедливость, но в то же время не упускает заметить, что я хвалю Пушкина из корыстолюбивых видов, стараясь получить от него стихов, что я представляю Пушкина товарищем Бейрона и проч. и проч. Да простит ему критика такие замечания и прибавки!

Пропустим мелочные привязки и коснемся того, что он называет *ошибками, которые могут распространять ложные понятия о Пушкине и вообще о поэзии.*

Г. – въ начинает восклицаниями: «Кто отказывает? кто не восхищался? кто не сознается (речь о Пушкине), что он *подарил* нашу

словесность прелестными произведениями?» – Во-первых, *некоторые*, к счастью, *немногие*, думают о Пушкине совсем иначе[5]; во-вторых, принимаясь уличать другого в ошибках и распространении *ложных понятий*, не худо самому быть осторожнее. Г – въ, например, *олицетворяет словесность отдельно* и заставляет Пушкина *дарить* ее прелестными *произведениями!* Обозначив поэмы и стихи Пушкина прилагательным *прелестные*, он совсем не выразил характера его творений и, забыв, что *творения Пушкина* есть *часть нашей словесности*, напомнил мне того русского прозаика, который, описывая шествие царя Михаила Федоровича в Москву, говорит, что *Москва выбежала к нему навстречу*, поставила трон с царем себе на голову и – *внесла в Кремль!*[6]

«Но для чего же *всегда* сравнивать его (Пушкина) с Бейроном, с поэтом, который, *духом принадлежа не одной Англии, а нашему времени*, в пламенной душе своей *сосредоточил стремление целого века*, и если б мог изгладиться в истории частного рода поэзии, то вечно остался бы в летописях ума челове-

ского?» – Но для чего же обвинять меня в том, чего я никогда не говорил? Я выше сказал и опять честь имею повторить, что я *никогда не называл Пушкина равными Бейрону* и не делал их общниками одинаковой славы! Для чего же опять назло грамматическому и логическому порядку сочинять период, в котором нет связи? – После слов *«принадлежа не одной Англии»*, вероятно, Г. – вѣ хотел сказать – *но целой Европе*, ибо Англия и время не могут быть равноположными понятиями. *Сосредоточить в душе своей стремление целого века* Бейрону было также невозможно, ибо слово *целый* может относиться к слову *век* тогда, если мы примем его в смысле *столетия*. Г. – вѣ, верно, хотел сказать – *«соединил (или, положим, хоть сосредоточил) наклонность своего века»*, и здесь можно бы понять, что Бейрон был, так сказать, отпечаток *нынешнего времени...* – Наконец, из расположения слов *«если б мог изгладиться... в истории поэзии, то остался бы в летописях ума»* – выходит, что Бейрон тогда только остался бы в летописях ума, когда изгладился бы в истории поэзии. Но история поэзии разве не часть летописей ума че-

ловческого? Разве Тредьяковский может *изгладиться* в сих летописях? Никогда! Он будет в них как памятник стремления к поэзии без таланта[7]. История поэзии повторит *все имена*, только неравно о всех отзовется. Наконец, что такое *частный род поэзии*?

Г. – въ, желая придать своей статье вид порядка, определяет потом характер Бейрона как поэта: «Все произведения Бейрона носят отпечаток одной глубокой мысли – мысли о человеке в отношении к окружающей его природе, в борьбе с самим собою, с предрассудками, врезавшимися в его сердце, в противоречии с своими чувствами». Весь этот набор слов есть неудачное подражание Ансильону в определению поэзии Гете и Шиллера; но что хотел сказать г. – въ, говоря, что в Бейроновых творениях изображается человек в отношении к окружающей его природе, в борьбе с самим собою и с предрассудками, и в противоречии с своими чувствами? Ансильон говорит, что в творениях Гете отражается вся природа, в творениях Шиллера отражается он сам и что от того происходит разнообразие Гете и односторонность Шиллера – мысль по-

нятна![8] Но как разгадать мысль г. – ва? Если бы должно было выразить характер Бейрона, то всего лучше, повторяю, можно назвать его творения эмблемою нашего века. Я... очень понимал, что говорю, когда неопределенным, неизъяснимым состоянием сердца человеческого хотел означить сущность и причину романтической поэзии. Бейрон изображал не человека вообще: он изображал ненавистное чувство, охлаждавшее, мрачившее в душе его всю вселенную, даже всякий идеал. «Говорят: в его поэмах мало действия. Правда – его цель не рассказ; характер его героев не связь описаний». Опять сбивчивость в словах и понятиях! Кто из поэтов имел рассказ, т. е. *исполнение поэмы*, целью, и даже кто из прозаиков в творении обширном? В «Тристраме Шанди» [9], где, по-видимому, все заключено в рассказе, рассказ совсем не цель сочинения. Характер героев можно и не можно почести связью описаний, ибо если примем *действия* человека как *проявление* характера, то характер будет связью описаний, но в этом случае каждая поэма Бейрона есть противоречие словам г. – ва. «Он (Бейрон) описывает предметы не

для предметов самих... но с намерением выразить впечатления их на лицо, выставленное им на сцену». Я не знаю ничего неопределеннее этих слов г. – ва! И в каких же поэтических творениях, кроме бездушной описательной поэзии, описываются предметы для предметов самих? Сии описания всегда должны относиться к впечатлениям, сделанным предметами на действующие лица поэмы; но, с другой стороны, кроме «Чайльд-Гарольда» и «Шильонского узника», где Бейрон описывал предметы единственно для описания впечатлений на героя поэмы, где заметил у него бездействие г. – вь?

Описав Бейрона, г. – вь вдруг делает вопрос: «Теперь повторяю ваш (т. е. мой) вопрос: что такое Онегин? Он вам знаком, вы его любите. Так! но этот герой поэмы Пушкина, по собственным словам вашим, шалун с умом, ветреник с сердцем – и ничего более». Есть ли тут связь понятий? Описать характер творений Бейрона и вдруг спрашивать: что такое Онегин? Шалун и ничего более! Если бы г. – вь хотел поддержать взведенное на меня мнение, что я равняю Пушкина Бейрону,

он должен бы противопоставить, наприим., «Дон-Жуана» «Онегину», а потом допрашивать меня: равняется ли произведение Пушкина Бейрону, или, описав характер Бейроновой поэзии, противопоставить ей также характер поэзии Пушкина и говорить о сравнении; а что выходит теперь из слов г. – ва?

Но точно, что-то подобное, как я предполагаю, имел г. – въ, делая свой вопрос. Заключаю из следующего: «Теперь, м<илостивый> г<осударь>, позвольте спросить: что вы называете новыми приобретениями Бейронов и Пушкиных?» – Неужели из слов моих на странице 44 N 5 «Телеграфа» выведено странное предположение, что я равняю Бейрона Пушкину, предположение, на котором движется вся критика г. – ва? Там я сказал, что «Онегин» принадлежит к тому самому роду, к которому принадлежат поэмы Бейрона и Гете; что поэму, подобную «Дон-Жуану» и «Беппо» (прошу заметить), нельзя назвать ни эпической, ни дидактической, и прибавил: «Это уже дело холодного рассудка приискивать на досуге, почему написанное *не по известным правилам* хорошо, и на всякий новый опыт

поэзии прибирать лад и меру. Не поэту же спрашивать у пиитиков, можно ли делать то и то! Его воображение летает, не спрашиваясь пиитиков: падает он, тогда торжествуйте победу школьных правил; если же полет его изумляет сердца и души, дайте нам насладиться новым торжеством ума человеческого: всякое новое приобретение Бейронов или Пушкиных делает и нам честь, ибо делает честь стране, которой они принадлежат, и веку, в котором живут». Надобны ли объяснения, что имена Бейрона и Пушкина, употребленные мною во множественном числе, есть троп, известный в риторике под именем синекдохи, и что имена сии поставлены не для показания равенства их, но как подлежащее к сказуемому, т. е. к новым приобретениям, которые делал Бейрон по-своему, а Пушкин *делал, делает и будет делать* по-своему? Г. — въ и сам говорит: «Бейроном гордится новейшая поэзия, характер его произведений истинно новый... Пушкин имеет неоспоримые права на благодарность своих современников, *обогадив русскую словесность красотою, доселе (?) ей неизвестными*». Красота, до-

толе неизвестная в нашей литературе, разве не приобретение? Впрочем, здесь в много-словном изложении является настоящее мнение г. – ва о Пушкине: «Признаюсь, я не вижу в его творениях приобретений, подобных Бейроновым, делающих честь веку... Пушкин только не отстал от своего века... Мы не утверждаем определительно, что наш стихотворец заимствовал из Бейрона планы поэм, характеры лиц, описания; но скажем только, что Бейрон оставляет в его сердце глубокие впечатления, которые отражаются во всех его творениях. Я говорю смело о г. Пушкине...» Смело, это правда, но не искренно. Для чего закрывать столькими словами мысль, ясно видимую, состоящую в том, что г. – вь почитает Пушкина не великим поэтом, а просто подражателем Бейрона? Я сказал прежде, что в «Онегине» есть стихи, которыми одолжены мы памяти поэта, скажу, что и в других его поэмах такие стихи попадаются; но пусть как угодно укоряют меня пристрастием, а я, несмотря на г. – ва, утверждаю, что в Пушкине виден свой собственный, великий талант, что Пушкин не подражатель, но творец; его

собственные незанятые приобретения – описание русской старины в «Руслане и Людмиле», «Демон», «Прощанье с морем» и множество других превосходных сочинений, подобных которым не находим ни у одного из современных русских поэтов; наконец, его новая, чудная поэма: «Цыгане»[10]! Не желание достать стихов Пушкина в «Телеграф», не жалкое подслуживанье Пушкину внушает мне похвалы, но чистое наслаждение его поэзией. Странное дело, что сделалось с критиками «Сына отечества»: один утверждает, что у нас есть поэты выше, гораздо выше Жуковского, другой винит Жуковского в присвоении чужой собственности[11], а г. – въ силится доказать, что Пушкин подражатель! *На них чужой успех как ноша тяготеет...*[12]

«Что за сравнение поэмы эпической с картиною и „Онегина“ с очерком?» – говорит г. – въ. Я сказал, что в очерках Рафаэля виден художник, способный к великому. – «Как! – говорит г. – въ, – в очерках Рафаэля вы видите только способность к великому?». Тут, опровергая мои слова, что «художнику надобно приняться за кисть и великое изумит наши

взоры», г. – въ продолжает: «А мне кажется, что первое достоинство всякого художника есть сила мысли, сила чувств». – Далее он соглашается, что и колорит необходим для *подробного* (?) выражения чувств, но что он только распространяет мысль главную, всегда отражающуюся в характере лиц, в их расположении. Г. – въ, видя сначала вопрос; «Зачем Пушкин не пишет поэм в силу правил эпопеи?» – думал, что слова мои об очерках относятся к этому вопросу; но напрасно это показалось г. – ву! Вопрос решал я, или, по крайней мере, казалось мне, что решал, известным выражением нашего поэта, которое выразил я в прозе так: «Поэт не волен в направлении своего восторга: что ему поется, то он поет»[13]. Очерк употребил я для сравнения живописи вообще с поэзией, в поэмах, подобных «Дон-Жуану», и тут понятие об очерке нимало не противоречит моим словам; наприм., в рассуждении «Онегина», пусть г. – въ вообразит, что Рафаэль, решившись писать картину из *многих лиц*, сделал очерк одной головы, и он увидит, что мои слова не без смысла сказаны.

Новый переход! «В каком отношении Байрон к Попу, в таком Пушкин (разумеется, в „Онегине“) к прежним сочинителям русских шуточных поэм», – так сказал я, и г. – в математически доказывает, что я унизил Пушкина, ибо сказал прежде, что у нас не было ничего сколько-нибудь сносного. В математическом примере г. – в просто сделал ошибку, а что касается до напоминания о «Модной жене» и «Душеньке», скажу ему, что я разумел шуточные поэмы, коих предмет взят из общезжития. «Модная жена» сказка, а не поэма; «Душенька» нейдет в сравнение, ибо предмет ее взят из мифологии; «Дон-Жуану» и «Беппо» я противопоставлял «Похищенный локон» Попа, что же противопоставляется у нас «Онегину»? – «Игрок ломбера», «Расхищенные шубы»[14]!

Скрытное предубеждение г. – ва против Пушкина сильно обнаруживается в упреке, который делает он мне за то, что я нахожу народность в «Онегине». «Я не знаю, что тут народного, – говорит г. – в, – кроме имен петербургских улиц и рестораций. И во Франции, и в Англии пробки хлопают в потолок, охотни-

ки ездят в театр и на балы». — Вот разительный пример, что значит смотреть на сочинение косыми глазами предубеждения! Надобно думать, что г. — въ полагает народность русскую в русских черевиках, лаптях и бородах, и тогда только назвал бы «Онегина» народным, когда на сцене представился бы русский мужик, с русскими поговорками, побасенками, и проч.! — Народность бывает не в одном низшем классе: печать ее видна на всех званиях и везде. Наши богачи подражают французам, Петербург более всех русских городов похож на иностранный город; но и в быту богачей, и в Петербурге никакой иностранец совершенно не забудется, всегда увидит предметы, напоминающие ему Русь; так и в «Онегине». Общество, куда поставил своего героя Пушкин, мало представляет отпечатков русского народного быта, но все сии отпечатки подмечены и выражены с удивительным искусством. Ссылаюсь на описание петербургского театра, воспитание Онегина, поездку к Талону, похороны дяди, не исчисляя множества других черт народности. Впрочем, через страницу сам г. — въ называет поэму

Пушкина *полною картиною петербургской жизни*; но кто *вполне изобразил Петербург*, тот разве не изобразил народности?

Заключение критики достойно начала. Я затруднился в приискивании ошибок у Пушкина; г. – вѣ не так разборчив. «Целое произведение может иногда быть одною ошибкою, – говорит он, и тотчас прибавляет: – не говорю этого на счет „Онегина“». Понимаю: это альцестовское *je ne dis pas cela*[15][16], и прошу г. – ва вперед или не делать таких намеков, или скрывать их искуснее! Эпилог г. – ва читатели благоволят прочитать сами; в нем опровергать нечего: это результат всей статьи, а мы видели, что в ней нет ни одной строки, которая бы удержалась при взгляде беспристрастия. Что касается до советов, мне преподаваемых, то в отплату за них я прошу г. – ва припоминать их самому себе, когда придет ему опять охота советовать другим.

Примечания

Московский телеграф. 1825. Ч. 4, N 15 (выход в свет 24 авг.). Особенное прибавление. С. 1—11 (3-я пагинация). Без подписи. Ответ на статью Д. В. Веневитинова «Разбор статьи о „Евгении Онегине“...»

[^^^]

Имеются в виду Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, откликнувшиеся на выход «Онегина» лишь краткой заметкой в «Северной пчеле» (см. с. 257 наст. изд.). Сухой тон объявления «Пчелы» отмечал Пушкин (XIII, 148). Позднее Булгарин оправдывался перед Пушкиным по поводу молчания «Северной пчелы» об «Онегине» (XIII, 168). В то же время на страницах «Сына отечества» появлялись многочисленные похвалы Булгарину – см., например: *Сын Отечества*. 1825. Ч. 100. N 5. С. 57—67 (отзыв о булгаринском альманахе «Русская Талия»); Ч. 101. N 11. С. 303—305 и др. На них неоднократно указывалось в антикритиках «Московского телеграфа» в течение 1825 г.

[^^^]

См. например, примеч. 4 на с. 432 наст. изд.

[^^^]

Полемика вокруг «Московского телеграфа» охватила почти всю русскую журналистику. На первом этапе существования журнала наиболее острой была его борьба с изданиями Булгарина и Греча. Подробно см.: Полевой. С. 398—401; «Обозрение критических и антикритических статей и замечаний на „Московский телеграф“...» («Особенное прибавление» к ч. 4 «Московского телеграфа» (к N 13, 15 и 16); «Прибавление» к ч. 103 «Сына Отечества» (к N 19), целиком посвящается полемике с «Телеграфом». «Журнал для милых» издавался в 1804 г. в Москве писателем-карамзинистом М. Н. Макаровым (1789—1847) как журнал занимательного чтения для женщин (всего вышло 12 номеров). Содержание ограничивалось стихами и чувствительными повестями. Прекращен за малочисленностью подписчиков. Для Полевого – образец пустого, ненужного журнала. См.: Московский телеграф. Ч. I. N 1. С. 8—9, 17.

В первую очередь имеются в виду критики «Вестника Европы». См., например: статьи «Московские записки» (с. 149—150 наст. изд.) или «Мысли и замечания» М. А. Дмитриева (с. 256—257 наст. изд.; подпись: Юст Веридиков).

[^^^]

6

Источник цитаты не установлен.

[^^^]

Пренебрежительное отношение к литературной деятельности Тредиаковского, сформировавшееся еще при его жизни, было характерно для критики первой половины XIX в. Ср., например, во «Взгляде на старую и новую словесность в России» А. А. Бестужева: «В то время как юный Ломоносов парил лебедем, бездарный Тредиаковский пресмыкался, как муравей, разгадывал механизм, приличный русскому стопосложению, и оставил в себе пример трудолюбия и безвкусия. Смехотворными стихами своими, в отрицательном смысле, он преподавал важный урок последующим писателям». (Полярная звезда на 1823 год. С. 8—9) Об изменении взглядов Пушкина на творчество Тредиаковского см.: *Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М.* Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 138—140.

[^^^]

CM.: Nouveaux essais de politique et de philosophie. Par F. Ancillon. Paris; Berlin, 1824. T. 2. P. 56.

[^^^]

Роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759—1767).

[^^^]

Названы еще не опубликованные к тому времени произведения Пушкина: «К морю» и поэма «Цыганы». «Цыганы» опубликованы полностью в 1827 г., отрывок был напечатан в «Полярной звезде» на 1825 год. «К морю» напечатано в октябре 1825 г. в четвертой части альманаха «Мнемозина». В № 1 «Московского Телеграфа» за 1825 г. (с. 39) в «Прибавлении» Вяземского к переводной статье «Характер лорда Байрона» напечатан отрывок («Реви, волнуйся непогодой ~ Мир опустел...»). В редакцию «Телеграфа» и издателям «Мнемозины» стихотворение доставил Вяземский (*Цявловская Т. Г.* Автограф стихотворения «К морю» // ПИМ. Т. 1. С. 187—207).

[^^^]

Оба эти утверждения содержатся в «Письме на Кавказ» за подписью Д. Р. К., с. 249—252 наст. изд.

[^^^]

Неточная цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Послание к М. Т. Каченовскому» (1820). У Вяземского: «На нем чужой успех, как ноша, тяготеет...»

[^^^]

Может быть, имеется в виду баллада В. А. Жуковского «Граф Гапсбургский» (1818). Ср.:

*Не мне управлять песнопевца ду-
шой
(Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над со-
бой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шу-
мит;
Кто знает, откуда, куда он ле-
тит?
Из бездны поток выбегает:
Так песнь зарождает души глуби-
на,
И темное чувство, из дивного сна
При звуках воспрянув, пылает.*

[^^^]

«Модная жена» печаталась в собрании стихотворений И. И. Дмитриева в разделе «Сказки». «Игрок ломбера» (1763) – ирои-комическая поэма В. И. Майкова; «Расхищенные шубы» (1811—1815) – ирои-комическая поэма А. А. Шаховского.

[^^^]

я не говорю этого (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

См.: Ж.-Б. Мольер. «Мизантроп» (1666). Д. I, явл. 2.

[^^^]